

ШЕЛ СОЛДАТ ВО ИМЯ ЖИЗНИ

...А убьешь, так и потом
На тебе, как клещ, повисну,
Мертвый буду на живом.

А. Твардовский.

ПОЕЗД ШЕЛ НА ЮГ. На стыках колеса пулеметной дробью выстукивали: тра-та-та-та, тра-та-та-та. В вагонах бывшие курсанты Московского пулеметно-минометного училища, а теперь добровольцы отдельного лыжного батальона. Многим из них не больше восемнадцати — золотая пора юности, когда легко мечтается. В училище они были всего три месяца, когда воскресный рассвет обогрелся кровью героев Брестской крепости, стариков и детей. О героях легендарного гарнизона они узнали потом, а

сейчас каждый сознавал, что идет война, льется кровь невинных людей, полыхают деревни и села, небо напряженно звенит от рева фашистских стервятников, стонет родная земля под гусеницами гитлеровских машин, танков и орудий. Стонет, призывает земля отцов, дедов и прадедов: «Остановите полчища фашистской чумы, опрокиньте и уничтожьте их!». Для этого нужна кровь таких как вот он — Леняка Оdegov, как его товарищи, да что кровь?! Жизнь! Жизнь многих молодых парней, и Леняка Оdegov готов отдать ее, чтобы жили другие, чтобы ни у одного народа не было кровавых рассветов, чтобы всегда лучились счастьем глаза матерей, жен, сестер, подруг.

Леонид вздохнул. Как там батя с маманей? Не легко им будет с оравой в восемь ребячьих ртов. А кому легко? На этот вопрос Оdegov не успел ответить: скрипнули тормоза, вагон качнуло, и он замер. Солдаты всматривались в белесое, словно выжженное южным солнцем сентябрьское небо. Все понимали, что предстоит марш, последний марш перед боевым крещением. Вскоре

оно состоялось. Когда часть Леониды Оdegova отходила на заранее подготовленные позиции, они напорлись на десантную засаду немцев.

— Вброд переходили один из притоков «тихого» Дона, и шальной осколок мины клоннул в левое предплечье, застряв глубоко в мышцах. Потом бои под Сталинградом, и снова залетел осколок вражеской мины и впилился в левую ногу. После госпитализации — Воронежский фронт, и опять угодила осколок мины под правое колено. — Леонид Яковлевич задумался, а потом пошутил:

— Видите, нехитрая судьба обыкновенного солдата.

У ЛЕОНИДА ЯКОВЛЕВИЧА Оdegova солдатская судьба была далеко необычной. В ней не было лихости, а вот храбрость помноженная на расчет, знания, полученные в училище и приобретенные в боях, проявлялись в каждом деле. В 491 гвардейском отдельном армейском (позже Киевском) минометном полку его имя многие знали как имя искусного командира миномета, бьющего прага по всем законам военной науки.

В бою за село Большой Бобрин на Сумщине минометный расчет старшего сержанта Оdegova под

(Продолжение на 2-й стр.)

ШЕЛ СОЛДАТ ВО ИМЯ ЖИЗНИ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

артминометным огнем противника прямым попаданием мины, посланной из своего миномета, уничтожил 75-миллиметровую пушку, подавил два ручных пулемета и уничтожил до 50 солдат и офицеров. «Расчет действовал смело и решительно, обеспечив нашей пехоте продвижение вперед», — писал командир дивизиона в штаб полка 15 августа 1943 года. Восемнадцать дней спустя, когда наши части форсировали реку Псел, Леонид Одогов со своим расчетом дрался за село Нызы. Его минометчики, переправившись через реку, открыли шквальный огонь по фашистам. Ни одна огневая точка противника не сделала ни одного выстрела по переплывающим Псел советским солдатам. И снова в донесении: «...дивизион потерь не имел».

8 сентября разгорелся бой за деревню Васильевка. Используя пересеченную местность, старший сержант Одогов со своим расчетом выдвинулся на фланг противника. Меткий минометный огонь вызвал панику у немцев и обратил их в бегство. В этом бою минометчики захватили двенадцать 75-миллиметровых орудий, подбили 105-миллиметровую пушку и уничтожили 6 автома-

шин с боеприпасами и около 100 солдат и офицеров. Через неделю Одогов наступал севернее города Ромны, и снова его расчет первым высаживается на противоположный берег реки и не жалеет мин для уничтожения врага. Изпод навесного огня минометчиков не поднялось до взвода вражеских солдат, а трое оставшихся в живых были пленены.

В КОНЦЕ СЕНТЯБРЯ Леонид Яковлевич Одогов принял в партию. Войска Первого Украинского фронта подошли к Днепру. За рекуцум Сивучем лежал древний Киев. Солдаты ждали приказа форсировать великую украинскую реку. Готовился к схватке за столицу Украины и старший сержант Одогов. Он нашел в лозах ивняка старую рыбацкую лодку, починил ее и ждал. Приказ расчет получил ранним утром 4 октября. Минометчики быстро погрузили в лодку миномет и боеприпасы и вместе с другими поплыли к правому берегу, но немцы заметили плывущих и открыли ураганный огонь из всех видов оружия. Стеной дыбились разрывы снарядов, мин, бомб, окатывая наших солдат осколками и ледяной водой. Звонящим роем настигали очереди из пулеметов и самолетов. Лодка старшего сержанта Одогова продержалась недолго. От разрыва вражеского снаряда ее перевернуло. Миномет, боеприпасы и два бойца пошли ко

дну. Переправа захлебнулась. Живые прибились к своему берегу. Сорвалась и вторая переправа.

Пехота понесла большие потери. Минометчики получили приказ форсировать реку только с автоматами и любой ценой закрепиться на правом берегу. Огонь фашистов не утихал ни на минуту. Ну, плыть, видно, в Киев и мне по течению тошляком, подумал Одогов, выталкивая бревно вместе с рядовым Некрасовым из лоз ивняка. На бревне автоматы, сумки с дисками. Ухватились один за один конец, другой — за другой и начали выгребать свободной рукой. Солдатской находчивости Одогова последовали и другие бойцы. Плывут. Течением сносит вниз. Из воды торчат лишь головы, а немцы поливают из пулеметов, а бойцы все гребут и гребут к правому берегу, выискивая удобное место для высадки. Одогов почувствовал, как мертвой хваткой сжало ноги. «Судорога», — обожгло мозг, и вдруг он под ногами ощутил дно. Бросив бревно, устремились к берегу, а там на четвереньках, то по-пластунски, то короткими перебежками добрались до кустов.

Семь смельчаков, рассредоточившись подальше друг от друга, наскоро отрыв небольшие окопчики, открыли огонь по врагу. От неожиданности немцы отступили: они не думали, что кто-нибудь из переправлявшихся уцелел. На пя-

точке храбрецы стойко держались восемнадцать часов. Они скорее чувствовали, чем видели у себя за спиной оживление на левом берегу Днепра. Там саперы спешно наводили наплавной мост. И вот по нему загрохотали танки, пошли машины с пехотой и артиллерией. Началось наступление. Плацдарм раздвинулся слегка ширирь и километров на двадцать вклинился мешком вглубь обороны противника. Одогов был вместе с пехотой на самом дне этого мешка, но наступление велось небольшими силами. Немцы это почувствовали и у Днепра затащили мешок.

ШЛИ ТРЕТЬИ СУТКИ, как Леонид Одогов сражался в окружении. Кончались боеприпасы, есть хотелось так, что туманилось сознание. Поступил приказ выбираться по двое — по трое. Все реже и реже отвечали бойцы из автоматов в сторону врага. У Леонида Одогова остался один тесак от немецкого карабина. Он огляделся. Из окна выглянул сосед — знакомый солдат Капников. Они оказались в лесу одни. Выбрались из окопов поискать ягод или грибов, и тут Одогов заметил немца. Он уверенно шагал по тропинке с термосом за плечами. До Одогова и его товарища донесся наваристый аромат супа. Капников не выдержал и набросился на тотального фрица, но враг опередил нападающего и проколол штыком.

Немец посмотрел на осунувшееся от голода и усталости лицо Капникова, вытер штык пучком сухой травы и самоуверенно пошел дальше. Одогов чувствовал дурманный запах супа, видел самоуверенное лицо фашиста. Вот его кованные сапоги глухо протопали в полутора метрах от кучи хвороста и сучьев, которые для маскировки навалил на себя Одогов. Старший сержант вскопчил на ноги и бросился на немца, но фашист оглянулся на шум сушняка раньше, чем успел достичь его Одогов и нанести удар ножом в спину. Сверкнул штык фашистской винтовки: фриц делал прием «коротких колю», но Одогов, пригнувшись, увернулся от удара. Фашист не растерялся и сделал накладку по голове. Кровь залила глаза. Старшой качнулся и, падая лицом вперед, поднял под себя врага...

Леонид Одогов не родился солдатом, но стал им по велению сердца и боевую выучку прошел в атаках, всегда помня деревню Ширкуты в Даровском районе Кировской области. Там прошло его детство и отрочество. Бегая в школу, а затем работая животноводом, он полюбил землю, на которой жил, с ее тенистыми рощами, речками, со звонкими песнями жаворонка в бездонье весеннего неба, с состязаниями скрипачей-кузнечиков в летней ночной тиши, с завываньем клубящейся белой метели и со звонким морозцем. И все это у него и его народа пыталась отобрать звериная сталь, отъезжая на даровых харчах народов почти всей

Европы. Он—солдат Леонид Одегов—вместе с товарищами по оружию отбивает у врага каждую пядь земли своей Родины, возвращает кров родным людям. Во имя жизни на земле стоило идти нелегкими дорогами войны, переносить ее невзгоды и лишения, проливать кровь и, если нужно, отдать жизнь, но вместе со смертью врага...

О НИ ЛЕЖАЛИ в мертвой схватке до вечера. Фриц—на гермose с супом с запрокинутой головой. Его зеленоватые глаза словно в испуге выпрыгнули из орбит, остекленело уставились в серое осеннее украинское небо. Руки застыли в судорожной попытке оттолкнуть за плечи противника, а он—противник—воин-освободитель Леонид Одегов впился зубами в горло фашиста. Так и нашли их бойцы из 240-й стрелковой дивизии, развивавшие наступление в глубь немецкой обороны.

— Глазам своим, браток, не поверил,—сказал пожилой ефрейтор Одегову, когда старшего сержанта сняли с немца и, обнаружив, что он живой, привели в сознание.—Сколько смертей за войну перевидел, а вот такую—впервые. Если бы кто рассказывал...—он не договорил. Солдаты

наперебой угощали Одегова, кто сухарями, кто галетами, а кто-то молчаливо поставил открытую банку мясной тушонки.

— Да ты ешь, дорогой, ешь,—подбадривал ефрейтор. Солдаты отправили Одегова в медсанбат. Рана на голове была не слишком опасной, и он скоро здоровым вернулся в часть. Затем вызов в штаб 3-й армии.

— Поздравляю с присвоением звания Героя Советского Союза,—сказал офицер отдела кадров, когда старший сержант Леонид Одегов доложил о прибытии по вызову. Крепко пожимая руку, офицер добавил, протягивая газету «Правда»—вот Указ.

— Служу Советскому Союзу!—старший сержант вытянулся по команде смирно.

Вскоре семерых Героев 1-го Украинского фронта принимали в Кремле. Михаил Иванович Калинин приколол на грудь Леониду Яковлевичу Одегову медаль Золотая Звезда и орден Ленина. Из Москвы старшего сержанта поезд увез в Ульяновск, в офицерское училище. Так для Одегова кончилась война и начались дни учебы—дни овладения теорией боевого мастерства сражений и операций, участником которых он был. В 1946 году Леонид Одегов окончил училище. И сно-

ва поезд увозит его, теперь уже младшего лейтенанта артиллериста в Германию—туда, куда он не дошел с друзьями-однополчанами.

СЕМЬ РАНЕНИЙ, КОНТУЗИЯ все чаще и чаще сказываются на здоровье, но боевой командир не уходит в запас. Он учит молодых солдат искусству побеждать. Врачи категорически утверждали: «Нельзя!». Лейтенант Одегов возвращается в Россию.

Война сделала Леонида Яковлевича Одегова инвалидом, но только физически, и не сломила его высокий солдатский дух. Сначала он заведовал Поцелуевским сельским клубом, затем работал на Даровском льнозаводе в Кировской области. Сейчас Леонид Яковлевич живет в Красноуральске—в городе меди и химии. Он шагает в первых рядах строителей коммунизма, а в свободное от работы время встречается с пионерами, с молодежью. Его задушевные беседы о героизме советских людей в тяжелую годину Великой Отечественной войны затягиваются далеко за полночь. В канун 20-летия со дня Победы над гитлеровской Германией Леонид Яковлевич избран почетным членом ленинской пионерии.